№ 7.

Цѣна 20 к., в провинц. 25 к.

Адрес редакціи и конторы:
Николаевская ул., д. 25.
Телефон 40—01.
Секретарь редакціи принимает ежедневно, кромѣ воскресеній, в помѣщеніи редакціи с 5—7 ч. вечера.
Контора редакціи открыта с 10—12 дня, с 5—7 ч. вечера.

БУРЕВѢСТНИК

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП.

Условія подписки.
на 1 мѣсяц ..... 4 р. — к.
на 2 „ ..... 7 „ 50 „
Перемѣна адреса 40 к.
Подписка принимается в конторѣ редакціи „Буревѣстника“, Николаевская 26 и во всѣх группах федераціи.
Подписка принимается на ежедневную газету только с 1-го числа.

Суббота, 18 ноября — ЕЖЕДНЕВНО. — 1917 год.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

В. О. Группа Анархистов-Коммунистов извѣщает товарищей-анархистов и сочувствующих в том, что в воскресенье, 19 ноября в 2 ч. дня состоится собраніе В. О. группы.

Адрес: В. О. 14 линія, дом 93. Клуб.

СОБРАНІЕ.

Группа анархистов-коммунистов Петергофскаго района извѣщает товарищей анархистов в том, что в воскресенье, 19 Ноября в 11 час. дня состоится собраніе Группы.

(В клубѣ по шоссѣ № 58).

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Выпущенные из Петропавловки бывшіе министры-кадеты об'явили себя правительством и издают постановленія.

Опять найдено огромное количество припрятанных продуктов, преимущественно мясных и рыбных.

Контр-революціонная Городская Дума распущена.

Ожидается сепаратный мир Румыніи с Германіей.

Петроград 17-го ноября 1917 г.

Чѣм бы ни кончились старанія новаго правительства заключить мир, ясно, что оно дѣлает все, что можно сдѣлать для того, чтобы окончить войну. Тѣм не менѣе, не смотря на истерическіе выкрики господ „оборонцев“, только и думавших о наступленіи, оно настаивает на мирѣ без земельных захватов и дани) без аннексій и контрибуцій) с чьей бы то ни было стороны.

Надежда на успѣх в дѣлѣ заключенія скораго мира зиждется прежде всего потому, что война должна же когда либо кончиться, что всѣ воюющія стороны, в том числѣ и Германія, истощены войною, что причиняемыя ею страданія чрезмѣрны, а побѣда какого-либо из государств сулит выгоды только ничтожной части его населенія—крупной буржуазіи и грозит еще большим закабаленіем рабочаго люда.

На скорое заключеніе мира можно надѣяться потому, что трудовой народ, настоящій трудовой народ, жаждет мира и с отвращеніем слушает рѣчи оборонцев, во всѣх странах кричащих о невозможности кончить войну. Слишком пахнет от этих рѣчей запахом разлагающихся трупов и свѣже пролитой крови.

С удивительной развязностью нам продолжают доказывать, что большевики, предложив мир и перемиріе, чуть-ли не губят Россію. Люди, как будто не видят, что старое правительство хотѣло войны для того, чтобы укрѣпить войною пошатнувшееся могущество буржуазіи. Это буржуазно-соціалистическое министерство-правительство не хотѣло сдѣлать дѣлового шага к заключенію мира, хотя этот шаг и ожидался от правительства революціонной республики народами всего міра. За одно это надо было свергнуть его.

Керенскій, этот не выдающійся адвокат, вообразил себя почему-то полководцем и превыся свои права, как военный министр, дал, присвоив себѣ власть главнокомандующаго, приказ о наступленіи. Невѣроятно дорого стоил этот приказ Россіи. Легкомысліе адвоката подарило Россіи горы трупов ея дѣтей. А министр иностранных дѣл, несмотря на ясно выраженную волю народа, все еще придерживался взглядов правительства Николая, все еще твердил иностранным державам, что Россіи нужен Константинополь и проливы, и, разжигая тѣм аппетиты буржуазіи и правительств южных государств, безчеловѣчно затягивал войну.

Господа оборонцы, высказывая опасеніе, что, послѣ заключенія мира, наши теперешніе союзники нападут на Россію в отместку за то, что она вынудила их заключить мир. Такое предположеніе не серьезно. Во Франціи и в Италіи попытку об'явить войну Россіи за ея миролюбивую политику могло бы только сдѣлать правительство сумасшедших и оно не удержалось бы и одного дня. Англіи и Америкѣ, если бы правительства этих стран и задумали поступить так, как думают господа русскіе оборонцы, то они встрѣтили бы не только могучее сопротивленіе своего народа, но и неодолимыя затрудненія в дѣлѣ перевоза войск, провіанта и оружія для этого войска.

Нечего и говорить, что Германія настолько устала от войны, настолько измучена и истощена ею, что ея правительство, не рискуя революціей, не начнет кроваваго побоища за то, что Россія спасала его от ставшаго невыносимым положенія.

Не только серьезных, но даже не сумбурных доводов против рѣшительных попыток заключить мир, даже наши кровожадные оборонцы не выдумали, ограничиваясь во истину дѣтскими запугиваніями.

Если наш народ возьмет в свое достояніе землю, промысловыя предпріятія, он будет непобѣдим и об этом прекрасно знают правители буржуазных государств. Они знают, как борется народ, которому есть что защищать. Первая Французская республика, только потому, что французы добились даже не полной свободы, а французское крестьянство захватило только часть отобранной у него ранѣе дворянами, монахами и попами земли, отбилась чуть ли не от всей напавшей на нее монархической Европы. Забывают об этом наши лихіе оборонцы, но очень осторожные правители западной Европы хорошо помнят историческіе уроки.

Если хочешь мира, надо сдѣлать перемиріе. А если надо сдѣлать перемиріе, то нельзя ограничится высказываніем одного пожеланія:—„Ах! как хорошо-бы не воевать три мѣсяца!“ И вот большевики рѣшительно приступили к тому, чтобы перемиріе стало дѣлом.

Возраженіе, которое выдвигается против их политики, сводится к тому, что заключеніе перемирія с нѣмцами поведет к разгрому нѣмцами французской, англійской, американской, итальянской армій на западном фронтѣ, а также и к разгрому маленьких вспомогательных армій Португаліи и Бельгіи, причем грозная бездѣйствующая армія Японіи, страны, оскорбленной Германіей, также и как и бездѣйствующія пока арміи Китая, Аргентины, Сіама будут и тогда бездѣйствовать.

Тѣм не менѣе, если наши оборонцы обо всѣм забывают и занимаются зловѣщим карканьем, то Австро-Венгрія и Германія хорошо знают грозныя силы западнаго фронта и не подумают играть на жизнь и смерть своих государств, если их не принудят к этому. Сѣверная Америка, с ея ста милліонами жителей и безграничными запасами золота, хлѣба и мяса—это такой грозный враг, при воспоминаніи о котором ледѣнѣют сердца у самых храбрых нѣмцев.

Но, помимо сказаннаго, надо помнить, что перемиріе предлагается всѣм воюющим странам и, если Франція, Англія и Италія не захотят его, а пожилают продолжать войну, то с какой радости мы должны заботиться о них и драться, только потому, что правительствам и буржуазіи этих стран хочется, чтобы за интересы страдали и умирали их рабочіе и крестьяне. Хотят драться, пусть дерутся и это будет означать только одно, что они увѣрены в том, что справятся с Германіей.

Но продолженіе войны, это—во всяком случаѣ и во всѣх странах—подготовленіе побѣды буржуазіи над пролетаріатом и потому—долой войну!

Предложеніе перемирія со стороны Россіи, разсматриваемое даже с обычной буржуазной точки зрѣнія,—**даже в том случаѣ, если бы Германія не согласилась на него,—является замѣчательным дипломатическим шагом. Оно,** выражаясь буржуазным же жаргоном,—**в случаѣ отклоненія русскаго предложенія, „деморализует“ нѣмецкую армію сильнѣе, чѣм ряд проигранных ею сраженій.**

Во всяком случаѣ русское правительство сдѣлало все, что должно было сдѣлать для заключенія мира.

О том, что надо сдѣлать в том случаѣ, если нѣмцы не пойдут на мир, поговорим при подходящем случаѣ. А, пока, об этом мало вѣроятном событіи, можно и не говорить.

А. Вадимов.

Замѣтка по поводу войны.

Во Франціи, гдѣ я жил до самого послѣдняго времени, громадная часть небогатой буржуазіи и чуть ли не поголовно всѣ рабочіе хотят немедленнаго окончанія войны. Богатая буржуазія, депутаты, правители—люди в большинствѣ случаев очень богатые—за войну „до конца“, то есть до полнаго разгрома нѣмцев, до завоеванія Эльзаса и Лотарингіи с их несмѣтными богатствами в желѣзѣ и каменном углѣ. Интеллигенція, тоже зажиточная и близкая по образу жизни к богатой буржуазіи, помѣщающая свои сбереженія в акціи разных работающих и не работающих на войну предпріятіях,—тоже за войну. Часть этой интеллигенціи искренно возмущалась варварством нѣмецких полчищ, занявших нейтральныя и вражескія территоріи, а также и особо дикими пріемами военнаго искусства, впервые примѣненными нѣмцами.

Рабочіе Франціи чуть ли не каждое свое собраніе заканчивают криками:—„Долой войну!“ и этими же криками они привѣтствовали делегатов Петроградскаго Совѣта, добавив еще новый крик:—Да здравствует Ленин!“, при чем этот политическій дѣятель является для них олицетвореніем протеста против войны, без отношенія к его партійной программѣ.

Но рабочіе во Франціи слабы в настоящій момент. Весь цвѣт рабочаго населенія на фронтѣ или в братских могилах. Пожилые люди, молодежь и признанные негодными к военной службѣ, вмѣстѣ с большим количеством женщин—работниц и рабочих иностранцев, образуют в настоящій момент рабочій класс Франціи.

Так как военный набор страшно ослабил рабочій класс, то правительство и не считается с желаніями рабочих.

Солдаты чуть ли не поголовно, по скольку можно судить по словам постоянно приходящих в отпуск рядовых и даже офицеров, высказываются за окончаніе войны, но, не желая отдать нѣмцам и аршина французской земли, говоря, что нѣмцев необходимо выгнать из Франціи, твердят, что за Эльзас и Лотарингію они не дадут и одной жизни.

Буржуазная пресса своим человѣконенавистничеством, своими дикими натравливаніями людей друг на друга надоѣла рабочему люду. Она до того выболталась, что с ней, с ея доказательствами необходимость воевать до конца, едва ли кто считается. В послѣднее время буржуазныя газеты твердят только одно, что нѣмецкій милитаризм должен быть уничтожен войною, то есть, милитаризмом других стран. Другія доказательства в пользу продолженія войны „до побѣднаго конца“ так хорошо опровергнуты, что о них не приходится больше говорить. Настаивать на продолженіи войны для того, чтобы захватить и присоединить к Франціи Эльзас девять десятых населенія котораго говорит на нѣмецком языкѣ, значит говорить слова, совсѣм неубѣдительныя для рабочаго люда Франціи. Таким образом только и остались разговоры о необходимости уничтожить нѣмецкій милитаризм милитаризмом же, войною.

В отвѣт на такое доказательство необходимости войны, Жозеф Сугалль написал остроумную басню, перевод который мы и приводим здѣсь.

„Жил нѣкогда священник миссіонер, который почувствовал призваніе бороться с людоѣдством, сильно распространенным на островѣ Кателонія. По ошибкѣ миссіонер попал на другой корабль, который отправлялся на остров Патія. Едва корабль подошел к этому острову, как миссіонер был удивлен, увидав громадными буквами сдѣланныя надписи на скалах, общественных зданіях и в других мѣстах и вы можете представить его радость, когда он вездѣ читал одно и тоже: „Смерть людоѣдству“!

Начальник острова любезно принял миссіонера и тот разсказал о радости, охватившей его при чтеніи указанных надписей.

„Дѣйствительно,—отвѣтил ему этот начальник,—вот уже три года, как мой народ охвачен единодушным желаніем навсегда уничтожить этот безчеловѣчный обычай“.

На другой день в честь миссіонера был устроен пир, на который были приглашены знатные жители города и священники.

Как это водится у благочестивых людей, миссіонер обладал прекрасным апетитом, но какой то особенный запах поданнаго супа отбивал у него желаніе ѣсть.

На слѣдующее блюдо было подано жаркое, но едва только блюдо было открыто как миссіонер увидѣл на нем куски мяса, имѣвшія форму членов человѣческаго тѣла. При видѣ этого, он едва не упал в обморок, но придя в себя, тотчас спросил, что это значит.

„О!—сказал очень удивленный начальник острова,—развѣ вы не понимаете, что нельзя уничтожить обычай питаться человѣческим мясом благочестивыми резолюціями? Людоѣдству надо противопоставить людоѣдство же: только при этом условіи оно исчезнет. Кромѣ того, если мы не будем ѣсть презрѣнных жителей Кателоніи, они нас съѣдят. Для того, чтобы побѣдить, мы переняли кухонные обычаи кетелонцев“.

Миссіонер обратился тогда к архіепископу. „Понятно,—спросил он,—что вы не одобряете этой возмутительной привычки“?

„Ваше благословеніе“, отвѣтил ему архіепископ,—вѣдь это печальная необходимость. По нашей религіи конец оправдывает—виноват!—освящает средства. Конец, это уничтоженіе кетелонскаго людоѣдства, чего и вы сами желаете. Было бы нечестиво и даже кощунственно противиться единственному средству, которым можно достигнуть такого славнаго результата. Болѣе того, так как національное единеніе необходимо для успѣха дѣла, всѣ учителя острова обязаны поучать обязанности ѣсть кетелонцев. А далѣе, если кто либо из жителей придерживается обратнаго мнѣнія и тѣм самым ослабляет благочестивое рѣшеніе націи, его тотчас же казнят, убивая тяжелой дубиной. Не правда ли, вы раздѣляете наши взгляды на борьбу с людоѣдством“?

„Конечно, да!—быстро отвѣтил миссіонер,—ваши доводы неоспоримы“.

Так же неоспоримы и доводы правительств, желающих уничтожить войну войною.

А. Молотов.

ОБЗОР ПЕЧАТИ.

Страх мѣщанства.

Наш „Буревѣстник“ наводит соглашателей на „невеселыя мысли“.

„Уныло в „**Новой Жизни**“.

„... изрядно количество анархистских изданій... в то самое время, когда россійскіе соціалисты с упорством.., пред лицом революціоннаго народа занимались... взаимным мордобоем, росло и ширилось вліяніе анархистов в рабочей и солдатской средѣ.

Незамѣтные в первые дни революціи,—нынче анархисты—сила—с которой не сегодня—завтра придется считаться и значенія которой для дальнѣйшаго хода нашей революціи не слѣдует преуменьшать.

... имѣем в настоящее время ряд анархических организацій.— Анархисты издают органы при поддержкѣ своих читателей... таковых не мало.

Анархистскіе лекторы собирают аудиторіи. Анархистскіе лозунги встрѣчают живой и горячій отклик".

Заводскіе рабочіе считают анархистов „друзьями". Главное: „анархисты послѣдовательны".

В испугѣ новожизненскіе мѣщане... Дрожали перед надвигающейся Народной Стихіей.

Погромщики.

Относительно черносотеннаго характера **„Вольности"** сомнѣнія быть не может.

Обозрѣватель Московских событій грозит карательными экспедиціями. Его пошлая душонка жаждает висѣлиц и погромов.

„Оскверненныя святыни—больная рана народной души, великая скорбь ея.

И недалек час, когда эта скорбь обратится в безкрайній гнѣв, и тогда страшное мщенье, безпощадное возмездіе обрушится на преступныя головы святотатцев, убійц и измѣнников."

„Изолгавшійся Ал. Амфитеатров грязнит тружеников, называя их „взбунтовавшейся чернью".

Нечему удивляться. Утеряв своего покровителя, лакей Николая Николаевича Романова, поступил к казакам. Пора бы опустить его в общеюнкерскую могилу. А ленинцы миндальничают...

Перемиріе.

Возликуйте народы!

Міровой Пожар, который свыше трех лѣт праздновал свою пышную свадьбу со Смертью, отправляется с нею во внутренніе покои...

Горят еще щеки у краснаго жениха, горят глаза у невѣсты—астратанки.

Близок час вожделѣнный...

. . . .

Блѣднѣют щеки, меркнут глаза.

Пора отдохнуть.

— „Уж пожирал я всѣ молодыя Жизни, испил я всю теплую кровь. Все я дѣлал для тебя.

Пора мнѣ на покой".

— „Мясо было так невкусно. Совсѣм отощала человѣческая сволочь. Хоть бы кусочек жиру"—жалуется Смерть.

— Дай им прокормиться. Дай им отдышку.

— Не боишься мести?

— „Я испепелил землю, я и не забыл испепелить небо. Я испепелил Культуру, я испепелил Разум, испепелил Сердце, я испепелил Совѣсть.

Можем преспокойно спать".

Мягки подушки балдахина.

В объятіях Смерти засыпает Міровой Пожар.

В головѣ у него путаются мысли:

Здорово покутил. Молодость. Так больше нельзя: женись. Степеннѣе... Скажу завтра ей. Нѣт, больше не буду. Впрочем, утро вечера мудренѣе...

Прокормитесь, народы!

Ваше мясо будет вкуснѣй.

Прокормитесь, пока Міровой Пожар почивает в об'ятіях своей супруги смерти!

Соберутся міровые разбойники, генералы, главнокомандующіе и заключат мир.

А семь милліонов убитых—что воскреснут ли?

Разбойники! убивать то умѣете, сколько угодно, хоть бы полміра, хоть бы весь мір, кромѣ вас самих—вам то жить хочется!—но воскресить?

Попробуйте воскресить хоть одну из ваших жертв!

Заключат мир, умоют руки, соберутся на конференціи, будут говорить о разоруженіи, и в тиши своих кабинетов будут предвкушать сладость новых бифштексов из мяса народов..,

Так оно было—но так ли оно и будет?

Нѣт! не сойдет вам в сей раз.

Отвѣчайте, дайте отчет—за что вы три года топили мір в крови?!

День мира да будет днем суда, днем возмездія.

Не дайте народу успокоиться, забыть.

Пусть живет память об ужасах.

Пусть по ночам преслѣдуют нас тѣни убіенных, пусть днем в шумѣ и гамѣ улиц услышим крики умирающих.

Пусть живет этот ужас—пока не исчезнет послѣдній разбойник на землѣ—пока не будет командующих и команд!

Бр. Гордины.

Перемиріе и — Всеанархія.

Читаю перечитываю простое слово: Перемиріе.

Из какого словаря какого языка заимствовано это дивное слово.

Откуда пришла эта благовѣсть, веселящая сердце, опьяняющая душу?

Из ставки.

Дивно—сказачно.

Нора змѣи превратилась в голубиное гнѣздо, и пѣніе вражды в воркованіе любви.

Неужели таки и не будет больше бойни?

Неужели таки и не будем читать „разрублено столько то", „проколото столько то".

Шелестят, трепещут бѣлыя крылья ангела мира.

Сон ли это или явь?

„Как это мы будем жить без „обороны", без „подрядов", без лазаретов, без основной отрасли патріотическаго производства, производства калѣк для „внутренняго рынка" и рубленнаго мяса для внѣшняго рынка, для англо-германскаго бифштекса..

Неужели сѣчка притупилась?

Нисколько. Разбойничья сѣчка по прежнему жаждет крови, жаждет рубки...

Это мясо, бифштекс сам заговорил.

Взбунтовалось предназначенное для рубки мясо, послало сѣчку к черту.

Брусиловы, Алексѣевы, Корниловы, Духонины вы любители искусства рубленія голов: своя голова к тѣлу ближе, разкусите себѣ артерію...

Мясники народа! Вам нужно мясо, стрѣжьте себѣ лишніе члены, вам пенсія будет. Во всяком случаѣ, партія „Народной свободы" вас обезпечит...

Так заговорило мясо, извѣки молчаливое, извѣки покорное, и не в сказкѣ Андерсена, не в сказкѣ Гримма, а в дѣйствительности Троцкаго, в дѣйствительности Ленина.

Сказка стала дѣйствительностью.

Плакать ли, бросаться на шею первому встрѣчному солдату и поцѣловаться с ним.

Поцѣловаться с котлетным мясом, преобразовавшагося в человѣка.

Расцѣловать дивнаго волшебника, перетворившаго сказку в быль!

Гдѣ он? Кто он?

Это октябрьская революція.

О ты, октябрьская революція! Тебя будут благословлять народы, твоя память будет вѣчно извѣсти, из роду в род!

Но преступные хулители из „Новой Жизни" еще вчера называли тебя „большевистской авантюрой".

Еще вчера преступный элемент „Новой Жизни", фальсификаторы интернаціоналисты клеймили „безуміем" смѣщеніе Духонина Крыленко.

Да, подлые лицемѣры уж сегодня курят тебѣ оиміам. Революціехулители, уж поздно!—никого не обманете, лжеинтернаціоналисты!

Ваша подлая **трусость** подлѣе, преступнѣе подлости буржуазіи.

Трусость хуже подлости.

Но революція „никакого вниманія" не обращала на низких трусов „Новой Жизни", драпирующихся в тогу научности, на фарисеев, прикрывающих свою нравственную наготу марксистской домой, марксовым законом.

Прочь, ничтожные трусы, трусы жизни и герои крючкотворства, трусы дѣла и мысли и герои безцѣльничанья и невѣжества.

Прочь, трусливенькая рудневщина!

Революціи нужна смѣлость.

Вот смѣлость на ваших глазах берет города мира.

Смѣлость возьмет и города счастья, довольства для всѣх.

Прочь и большевистская трусость „контроля"?

Дерзайте. Герои Жизни, и союз штурмом возьмете Весенній Дворец Всеанархіи.

Побольше смѣлости, побольше соціальнотворческаго дерзанія—и **великій час, час угнетенных,** пробьет.

Всеанархист.

15 ноября.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛ.

Пять идеалов пананархизма.

V.

Пятый идеал: Анархизм.

2.

Либеральный анархизм.

Во всяком случаѣ анархизм и в узком смыслѣ (не как пананархизм, а как одно безвластіе) является одним из самых свѣтлѣйших идеалов человѣчества, имѣющим цѣлью не только освобожденіе человѣка, но и возвышеніе и облагораживаніе его.

Но что нам сказать, послѣ этого, об отношеніи общества к анархизму?

Что нам сказать про ту дикую безвовѣстную травлю, которая ведется против этого идеала, или, что еще хуже, о том гнусном безчеловѣчном преслѣдованіи, практикуемом в большинствѣ варварски-цивилизованных странах и толкающем лучшія любвеобильныя изстрадавшіяся и истосковавшіяся по свѣтлому будущему человѣческія души на путь антисоціальности и на путь террора и на борьбу уж не с ним государством, как нежелательной и вредной формой общественности, а с обществом самим.

В этой гнусной травлѣ анархизма соединились мѣщанское тупоуміе, темный предразсудок с злонамѣренной ложью, тут рука об руку дѣйствует невѣжество с провокацией, провокацией, организуемой государством, тайными его агентами для оправданія своего существованія, своего мерзкаго насилія, с цѣлью полученія нужнаго им права на репрессіи.

Этот кровожадный звѣрь, называемый государством, организующій войны нерѣдко **провоцирует** и ненужныя неудачныя гражданскія войны. Нерѣдко, эти внезапныя вспышки и подавленья выступленій суть дѣло рук этой провокаторской руки. Ему нужны жертвы... Ему нужна кровь...

Но пусть общество облагоразумится и поймет, что в сущности, к идеалу анархизму стремится все общество, что анархизм есть тот же либерализм, за который также цѣпко держится буржуазное общество, но он лишь болѣе **искренен, болѣе краен и доведен до** необходимых логических предѣлов, и не лжив, как первый. Анархизм есть лишь истинная, искренняя полная неурѣзанная **свобода, как коммунизм истинное** искреннее полное, неурѣзанное равенство, и космизм истинное искреннее братство народов. А вѣдь эти то слова написаны и на знамени буржуазіи: Равенство, братство и свобода.

Кстати, посмотрим, что такое свобода слова, свобода печати и свобода собраній? Развѣ это не означает анархію слова, анархію печати и анархію собраній.

Далѣе, новооб'явленная в Россіи отмѣна смертной казни, что он такое если не **анархія жизни.** Пусть глупыя газетенки возмущаются разными отложеніями республиками, сколько глупой бездушной душѣ их угодно, но для нас все-таки ясно, что самую страшную из независимых, отколовшихся от государства республик, об'явило само временное правительство своим указом об отмѣнѣ смертной казни. Этим об'явлена и санкціонирована анархія жизни, республика жизни на всей Руси *). Самое драгоцѣнное для нас это жизнь, а эта жизнь, которая с варварских незапамятных до историческіх времен всецѣло была в вѣдѣніи государства, распорядившагося ей как бездѣлушкой, вдруг исключена из вѣдѣнія государства, об'явлена независимой республикой, вѣрнѣе, анархіей. И недаром контр-революціонеры, жаждущіе реставраціи, так тоскуют по смертной казни, по их словам: в арміи не возстановится желѣзная дисциплина пока не будет сызнова введена смертная казнь. Ясно что эти господа генералы и реакціонные офицеры чуют, что отмѣной смертной казни наступил конец их господству, что этим нанесен самый страшнѣйший удар.

*) Находим нужным замѣтить, что это было написано недолго послѣ февральской революціи.

государству, скажем больше государство убито в корнѣ
гдѣ отмѣнена смертная казнь
больше **настоящаго государ**
„рабскаго", основной признак
раго есть располаганіе жизнь
своих подчиненных, **не существ**
а существует лишь жалкій оста
его „крѣпостническаго" госуда
ства. Весьма возможно, что
давшіе когда-то и отмѣнив
сейчас смертную казнь, не
себѣ такого отчета, но всей
ности, и они испугаются,
услышат, что мы их об'яв
анархистами, конечно лишь
ламентарными, либеральными
эволюціонно-реформистскими
хистами, а не революціонно-
техническими.

Что должен, далѣе, дѣлать
либерализм, точнѣе, этот госу
ственный, парламентарный
хизм?

Ясно, что его задача укрѣ
ніе завоеванных свобод, охран
тѣх четырех анархій: анархія
ни, слова, печати и собраній
прибавленіе и привлеченіе в ан
хію, в свободу остальных обл
жизни, смягченіе тюремнаго
жима, **уменьшеніе наказ**
упраздненіе уголовнаго код
(низведеніе его на граждан
и т. д. Еще нѣсколько шагов
вы стоите на грани **полной**
хіи: как вы лишили государ
права распоряжаться жизнью
их подчиненных, так вы его
шите права распоряжаться
дой передвиженія личности,
запереть „свободнаго граждан
в тюрьму. Тогда уничтож
тюрьма и принудительный
общество перестанет быть
мой для всѣх его членов,
перестанет быть государств
принудительным а будет Воль
Без этого всѣ громкія слов
свободѣ, всѣ эти надписи на
менах „Земля и Воля" суть пуст
звук, лицемѣріе и обман.
же это воля, когда завтра вы
жете очутиться в тюрьмѣ.
Пусть ясен—к анархіи! к
свободѣ, к вольности.

Довольно вам, господа обыва
тели, гуляющіе по Невском
спекту или засѣдающіе в Совѣ
Рабочих и Солдатских Депутатов
оплевывать великій идеал. Доволь
но и вам, вам соціалистичес
обывательщинѣ, старающейся
перещеголять буржуазнолибераль
обывательщину своей площадно
бранью и выпады против „анархіи
неистово выкрикивать: „анархія
Мы вам ясно показали
буржуазным либералам или соц
листическим либералам, что
идете к нам, к анархіи, в
сударству, а не мы к вам.
гресс, культура, цивилизація
нашей сторонѣ, а не на
так чего же вы ругаетесь,
ные, вы, ограниченные люди!

Что за разница между нами
вами? Вы идете черепашьими
гами эволюціи, а мы молніе
стрыми шагами революціи,

Русская революція.

(Продолженіе).

Таков был политическій облик Совѣта два мѣсяца спустя послѣ сверженія царизма, когда господину Милюкову и его товарищам пришлось выйти в отставку и уступить министерскіе портфели соціалистам. Совѣт Р. и С. Д. в своем милитаристическом упоеніи и контр-революціонном рвеніи уже тогда зашел значительно дальше, чѣм это могло показаться на первый взгляд людям, не искушенным в соціалдемократической „діалектикѣ". **Он уже тогда превзошел всѣ тайныя надежды и чаянія русско-англійско-французской имперіалистической и контр-революціонной буржуазіи.** При таких условіях господин Милюков мог уйти спокойно: господа соціалисты дѣлали его дѣло,—его **грязное дѣло,**—значительно лучше, чѣм мог бы сдѣлать его он сам, ибо ему никто **уже** не вѣрил, а им нѣкоторая часть народных масс **еще** продолжала вѣрить. Лишь двухмѣсячное контр-революціонное хозяйничаніе в странѣ этих надлецов, именующих себя „соціалистами", лишь пребываніе „у власти" этих беззастѣнчивых предателей и крикунов могло окончательно открыть глаза массам и показать им, что спасти Революцію можно только при одном условіи: освободившись от предательскаго Совѣта Р. и С. Д. и засѣвшей в нем соціалистической банды и прогнав с их тепленьких мѣст соціалистических негодяев, засѣвших в министерских креслах.

Другого способа не было. Кровавые дни 3—5 іюля показали господам соціалистам, что весь народ, за исключеніем доблестнаго казачества, против них, а народу,—что веревка Церетелли и Керенскаго удушивает не хуже столыпинскаго галстуха и что соціалистическіе министры разстрѣливают рабочих и солдат так же нагло и рѣшительно, как приспѣшники царизма.

Итак, к моменту вступленія соціалистов в министерство, т. е. к момент образованія Второго Временнаго Правительства, Совѣт Р. и С. Д. уже не был больше тѣм грозным орудіем классово-пролетарской и противо-военной борьбы, каким он казался вначалѣ. Наоборот, он из организаціи послѣдовательно классово-революціонной, в соціалистическом значеніи этого понятія, трансформировался в расплывчатый орган „революціонной демократіи" и стал соціал-патріотическим россійским подотдѣлом англо-франко-итальянско-американской военной и имперіалистической коалиціи. Этой трансформаціи не мало способствовала „обработка", которой подвергся Совѣт со стороны цѣлой плеяды соціалистических коми-вояжеров, тотчас же послѣ Революціи делегированных в Россію союзными правительствами: Вандервельде от Бельгіи, Мутэ и Тома от Франціи, О'Греди и Гендерсон от Англіи, Лабріола от Италіи, Дункано от Америки и многіе другіе правительственные соціалисты пріѣхали в Россію с тѣм, чтобы во что бы то ни стало и скорѣе остановить русскую Революцію, водворить в Россіи „порядок" и вновь сдѣлать ее военноспособной. Поэтому злой насмѣшкой над самим Совѣтом и фарисейским лицемѣріем звучало заявленіе Церетелли на Всероссійском С'ѣздѣ С. Р. и С. Д., сдѣланное им 3 іюня в об'ясненіе высылки швейцарскаго соціальдемократа Гримма. Церетелли заявил:

„Высылается тот, на котораго легла тѣнь тайных сношеній с имперіалистским правительством своей страны у воюющей с нами страны".

Само собою понятно, что поступок Гримма был плох. Понятно, что Гримм, как предсѣдатель Циммервальда, в программу котораго основным условіем положена идея революціоннаго мира между народами через голову их правительств, согласившись принять на себя миссію посредника между двумя государствами в цѣлях заключенія **правительственнаго** мира между ними, совершил измѣну дѣлу Циммервальда. Он также совершил измѣну и по отношенію к идеѣ **революціоннаго** мира вообще, ибо его цѣлью была попытка дипломатическаго **сепаратнаго** мира между Россіей и Германіей, в то время, как идея революціоннаго мира исключает какой бы то ни было дипломатическій и сепаратный мир между воюющими, усматривая в нем всегда враждебный народам союз между двумя или нѣсколькими имперіалистическими группировками. Все это понятно и Роберт Гримм, дѣйствительно, заслужил своим поступком строжайшаго осужденія, заслужил клеймо **предателя** перед лицом революціоннаго рабочаго класса всѣх стран. Но—кто судил его? Имѣл-ли право Церетелли бросить Гримму упрек в „тайных сношеніях с имперіалистским правительством?" Развѣ сам он не вступил в явный союз с имперіалистами своей собственной и всѣх союзных с Россіей стран и развѣ сам он не являлся таким же точно, как Гримм, **измѣнником** дѣлу революціоннаго народа? А развѣ всѣ „союзные" соціальпатріоты пріѣзжавшіе в Россію **по порученію своих имперіалистических правительств,** не находились и до сих пор не находятся в совершенно **явном** союзѣ с имперіализмом и контр-революціей своих стран? Так почему же господин Церетелли не выслал их, а произносил **по их адресу** привѣтственныя рѣчи? Отвѣт на этот вопрос прост: потому что он, а с ним вмѣстѣ и большинство Совѣта, стоят на точкѣ зрѣнія **патріотическаго** имперіализма. Они не против имперіализма вообще, а только против **германскаго** имперіализма, который был неосторожно проявлен Гриммом, потому что этот гриммовскій имперіализм исходил из **враждебнаго** русской буржуазіи лагеря,—из Германіи. Это, конечно, не мѣшает им, поддерживая своих и союзных имперіалистов, лицемѣрно кричать **вообще** против имперіализма, и инцидент с Гриммом, незначительный сам по себѣ, сослужил хоть ту хорошую службу, что он наглядно продемонстрировал **лицемѣріе** казеннаго соціальпатріотизма, опредѣляющаго событія **и понятія** не в зависимости от их об'ективной цѣнности, а **только лишь** с точки зрѣнія потребностей военнаго вѣдомства. Гримм был выслан отнюдь не за то, что он проявил себя принціальным пособником имперіалистов **вообще**, а за то, что он выступил в качествѣ посредника между **германскими и русскими** имперіалистами в явный ущерб союзной имперіалистической коалиціи.

Еще одна маленькая, но весьма характерная для переживаемой нами эпохи деталь: Роберт Гримм за свое выступленіе в пользу мира получил эпитет „германскаго агента". Отнюдь не желая входить в обсужденіе большей или меньшей правдоподобности такой квалификаціи,—останавливаться на вопросѣ, дѣйствительно ли Гримм дѣйствовал в качествѣ германскаго агента, т. е. по порученію германскаго правительства, ибо это нас в данном случаѣ не интересует,—мы, однако, не можем обойти молчаніем той завѣдомой роли **сознательных агентов** русскаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго и американскаго имперіализма, которую выполняют в Временном Правительствѣ за страх, а за совѣсть господа соціалисты во главѣ с Керенским и Совѣт Р. и С. Д.

По свѣдѣніям западно-европейской прессы, союзными правительствами было затрачено **800 милліонов** франков на поддержку „военнаго духа" в Россіи послѣ Революціи, т. е. на „борьбу с анархіей" и пропаганду войны. Насколько эта цифра точна, судить конечно трудно, но что союзниками послѣ Революціи дѣйствительно были потрачены колоссальныя суммы в Россіи именно для этой цѣли, не подлежит никакому сомнѣнію.

Тот факт, что Совѣт Р. и С. Д. уже **к моменту** образованія Второго Временнаго Правительства стоял на **соціальпатріотической** точкѣ зрѣнія, подтверждается многочисленными вышеприведенными данными. Отмѣтим теперь наиболѣе важныя выступленія его, совпадающія с пребываніем у власти соціалистов.

Уже вначалѣ Мая, т. е. всего **нѣсколько дней послѣ образованія соціалистическаго** Временнаго Правительства, Совѣт фактически отказался от своего первоначальнаго требованія о пересмотрѣ заключенных между союзниками договоров относительно цѣлей войны, заключенных между ними и царским правительством. В № 61 „Извѣстій" появилась статья опредѣленно указывавшая на это, в которой говорилось:

„Может явиться вопрос: почему в декларацію Правительства не сказано опредѣленно и ясно, что Правительство будет обязательно уничтоженія старых договоров, созданных разбойниками-имперіалистами разных стран. Причины осторожности Правительства в

...другие естественным процессом, а не соціотехническим путем.

Ускорите же ваши либеральные шаги, господа буржуазные и соціалистическіе либералы, и перестаньте огрызаться на нас. К чему оно вам, это огрызаніе. Оно ни к чему не поведет. Мы слишком увѣрены в нашей правотѣ, в святости нашего идеала, и мы твердо, неуклонно и быстро идем, мы мчимся к нему. Мы к вам не пойдем и не можем пойти, ибо вы идете к нам, к нашему идеалу. Идите же быстрѣе. Ну, шибче. Живо, поворотись, либерализм! Ругайтесь и плюйте сколько угодно, а суть дѣла от этого не мѣняется. Нам ясно до очевидности, и это ясно для каждаго кто только не ослѣп, что культура идет к анархіи, к не-государству, к ослабленію и ограниченію и, слѣдовательно, уничтоженію власти. Уменьшеніе наказаній есть закон, закон цивилизаціи. Принудительность уменьшается, и когда она совершенно прекратится право перейдет из принудительной стадіи в совѣщательную, зачаток чего мы и сейчас видим в дѣленіи на рѣшающій голос и совѣщательный голос.

Идите же быстрѣе—и вся наша симпатія будет на вашей сторонѣ. Мы будем вам сочувствовать и посылать горячій привѣт успѣха. Идите же неуклонно, твердо и смѣло, вы всѣ любители культуры, прогресса, свободы, идите в страну анархіи, в страну вольности и свободы. Идите вы медленно, грузно, если не умѣете шибче, но нам дайте круто повернуть к ней. Мы невѣрящіе в ваше соціальное божество, в кумир эволюціи, в необходимость и обязательность естественнаго процесса. Нам дайте дѣлать скачек из царства рабства в царство свободы из современной мрачной тюрьмы-государства в лучезарную вольную Пананархію.

Не безпокойтесь за нас, мы себѣ шею не свернем—соціальное творчество, соціотехника (общестроительство) нас выручит.

3.

Истинный анархизмъ: соціотехническій.

И потому, первым долгом, мы требуем права на соціотехнику, на устройство общество-строительных колоній, институтов.

За это мы будем бороться, за это должны бороться всѣ жаждущіе освобожденія, всѣ, кто отрезвился от угара „научнаго соціализма". Мы идем обратно от научнаго соціализма опять к утопизму, но не к старому утопизму, утопизму фантазій, романов, а к соціотехническому, к производству опытов соціальных, попыток. И пусть терпим крушеніе за крушеніем, это не должно нас смущать, ибо всѣ великія изобрѣтенія не сразу удавались; желѣзная дорога не сразу налаживалась, свободное воздухоплаваніе и до сих пор еще не окончательно восторжествовало. Побольше опытов, побольше попыток, и мы соціотехники добьемся своего, ибо техника творит чудеса, она всесильна. Вот путь единственно вѣрный, единственно надежный, ибо другого пути нѣт. Старая вѣра в состоятельность и достаточность одного „научнаго обоснованія", доведеніе до всемогущественнаго естественнаго процесса, иссякла, — нам нужно сейчас доведеніе до практики, до дѣйствительности, до техники, в данном случаѣ, до соціотехники. А право на соціотехнику мы еще должны отвоевать, отвоевать от государства. У нас один путь спасенія, а этот путь загораживает сабля.

Вот первый шаг к анархизму: право свободнаго устройства соціотехнических станцій, соціальных лабораторій.

Но первое предварительное условіе успѣшнаго функціонированія этих соціальных станцій, институтов, лабораторій, это право выступленія личности и группы из государства, из под государственной опеки, по крайней мѣрѣ в цѣлях экспериментальнаго строительства будущаго общества—на их порогѣ, на порогѣ этих институтов, колоній и т. п. должна окончиться власть государства, ибо иначе они рискуют попасть в положеніе умывающагося в болотѣ или чистящаго грязной щеткой. Эти соціотехническіе институты назовем их „обществостроильнями", должны быть вольными, внѣгосударственными. Это кажется должно быть ясно для каждаго: раз эти институты экспериментируют, подвергают соціотехнической критикѣ само государство, ставят себѣ цѣлью изобрѣтеніе негосударственной формы общежитія, то отсюда слѣдует что признаніем власти государства над собою они бы подрывали в основѣ всю их изобрѣтательную соціальную работу. Возможность существованія таких внѣгосударственных ячеек в современном государственном обществѣ прекрасно может иллюстрировать право экстерриторіальности консульств. Соціотехническое право назовем его эктоархическим или чисто политическим правом, есть только высшая форма экстерриторіальности.

Мы остановились на этом праванархизмѣ, хотя это обнимает и всѣ другіе идеалы, именно потому, что государство, главным образом, стоит поперек дороги соціотехники. Мы имѣем право (если не фактическую возможность) экспериментировать в области хозяйства, вправѣ устроить какую нам угодно фабрику, мы имѣем право экспериментировать в воспитаніи, т. е. устраивать какой нам угодно тип школы и даже Адаптину (приспособительную школу) и т. д., ибо мы, данная инціативная, вѣрнѣе, соціотехникаторская группа может выступить, хоть бы на время из даннаго хозяйства из данной воспитательной среды и т. д., но не располагает правом выступить хоть на минуту из под опеки государства. Очевидно, область государства есть самая отсталая из всѣх областей нашей соціальной жизни, и что нигдѣ нѣт такого произвола, такого глумленія над свободой, как в этой отрасли, отрасли управленія обществом. Хозяйство уже стоит под знаком буржуазной свободы, под знаком либерализма, свободной конкурренціи и свободнаго договора. Оттого, что обѣ стороны предприниматели как и наемные выступают как двѣ организованных силы суть дѣла не мѣняется. Рабочій юридически по крайней мѣрѣ, свободен, если не хочет, то он может не работать, его лишь толкает голод, нужда, т. е. он фактически не свободен. По отношенію к государству мы же стоим еще на той ступени варварства, на которой стоял древній мір, имѣя ее на рабствѣ: тут не довольствуются фактической невозможностью существовать внѣ государства при данной государственной организаціи общества, т. е. вам не предоставляется право выступленія из государства, которым вы, все-равно, пользоваться фактически не можете, так как при данном иллюстраціи общества вам будет угрожать опасность „опасность жизни и имущества". Эти вас прямо заставляют, приковывают к государству, вы узник государства. Таким юридическим узником хозяйственной формы человѣк был только в эпоху рабства.

Отсюда явствует, что существованію государства вовсе не угрожает это право выступленія, этим оно лишь перейдет в болѣе высшую форму, а именно из рабскаго государства в либеральное.

Промежуточной ступенью между так называемым государственным „рабством" и государственным „либерализмом", служит, так называемое нами государственное „крѣпостничество". Это полу-либеральное состояніе наступает с моментом отмѣны смертной казни, с котораго государство уподобляется крѣпостничеству тѣм, что оно подобно послѣднему распоряжается судьбою человѣка, не имѣя однако права распоряжаться его жизнью.

Уясняя и углубляя эту послѣднюю мысль, мы увидим, что эта либеральность, эта свобода выступленія, эта юридическая возможность без фактической вполнѣ допустима, возможна, желательна, и цѣлесообразна для государства, и с точки зрѣнія самого государства, в интересах самих государственников (конечно либеральных).

Мы уж имѣли случай указать на аналогичность процессов развитія государства и хозяйства в отношеніи к націоналполитикѣ, как напр. рост государства, концентрація территорій, война как національно-политическая конкурренція, пацифизм и его мнимый идеал „вѣчнаго міра" как синдикат націй—территоріалистов и т. п. Тут мы хотим указать на такую же аналогичность между хозяйством и государством (главным институтом) управленія касательно индивидуалполитики, т. е. в отношеніи личности к государству.

Мы хотим сказать, что древнее натуральное мелкое хозяйство по убогости своей необходимо должно было принимать характер рабства. Если бы раб не был бы прикрѣплен юридически, то фактически был бы свободен: он мог бы смѣло уйти, зажить самостоятельно, обзавестись собственным, конечно еще болѣе мелким хозяйством воистину потеряв лишь свои цѣпи. Юридическая свобода уничтожила бы в один миг древнее натуральное хозяйство с его дѣленіем на господ и рабов. Оно бы окончательно раздробилось и стало бы свободным. Крупное капиталистическое же хозяйство, наоборот, имѣя к своим услугам фактическое экономическое закрѣпощеніе отбросило юридическое закрѣпощеніе как вещь лишнюю и вредную: юридическое насиліе при наличности фактической экономической принужденности и закрѣпленности вредно уж одним тѣм, что заслоняет собою необходимость добровольнаго наемничества и лишает ореола облагодѣтельствованія работодательство.

Для нас ясно до очевидности, что то же самое происходит и с государством (с управительной дѣятельностью). Когда государство было мелкое, то услуги, даваемое им обезпеченіе и прочія удобства были очень незначительныя. С другой стороны так как кругом были такіе же мелкія единицы, то и угроза была сравнительно слабой, т. е. вѣрнѣе не угроза, а возможность самозащиты, возможность отраженія врага было нетрудной и выполнимой чуть ли не одной геройской личностью или малочисленным коллективом. При таком политическом положеніи вещей государство необходимо вынуждено опираться на правовое сковываніе, иначе оно бы раздробилось, сильныя личности, неукладающіеся в защитѣ разбрелись бы во всѣ четыре стороны. Иначе обстоит дѣло с современным крупным государством, представляя каждому индивиду крупную силу защиты, с одной стороны, и предотвращая от него исполинскія угрозы других государств, могущих вмиг раздавить самую отчаянную и геройскую группу вольнолюбцев, оно смѣло может предоставить всѣм желающим и могущим право выступленія, т. е. объявить государственное рабство упраздненным. Государство этим уничтожено не будет, оно лишь перейдет в болѣе высшую форму, от рабской формы к договорной. Личность с государством вступает тогда в такія же сношенія, как современный рабочій к капиталисту. Ты мнѣ плати, а я буду работать — говорит рабочій. Ты меня обезпечь, а я буду слушаться — скажет личность. Тут политика, государство переходит от рабства к наемничеству, к государственному либерализму. Отбрасывая лишнюю и мѣшающую юридическую закрѣпощенность, государство утверждается на его второй болѣе сильной позиціи, на фактической прикрѣпленности личности к нему.

И счастливо будет то государство, которое впервые заведет договорный порядок, упразднит рабство личности, государственное рабство. Это будет служить таким же поворотным пунктом в исторіи цивилизаціи, как момент уничтоженіе хозяйственнаго рабства и крѣпостничества. Мы увѣрены, что нѣкоторыя из цивилизованных гуманных государств наконец додумаются, что другого лучшаго средства борьбы с террористическим анархизмом, нѣт. Им станет ясно, что как бунты рабов (экономических) были неот'емлемым свойством рабства (экономическаго), так и анархическій террор есть такое же неизбѣжное и неотвратимое слѣдствіе государственнаго рабства. Не может быть и рѣчи о спокойной мирной, планомѣрной организованной борьбѣ, пока существует рабство, пока нѣт свободы. Бывшій диктатор К. бросил крѣпкое слово „взбунтовавшіеся рабы". Уж Лассаль указал, что научныя изслѣдованія всегда совпадают с министерскими словечками, как напр. у него с Бисмарком. И в данном случаѣ это оправдалось. Развѣ что мы такое, и что мы такое иначе можем быть при современном государственно-рабском строѣ, если не „бунтующіеся рабы". Пусть будет уничтожено государственное рабство, и тогда, мы увѣрены, анархисты перестанут бунтарствовать; тогда не будет больше бунтующихся рабов, бунтующихся личностей, а будет лишь личности, борющіяся против своего угнетенія.

Тогда будет лишь организованная планомѣрная борьба, борьба свободно об'единенных развитых личностей против государства.

(Продолженіе слѣдует).

Бр. Гордины.

Из партійной жизни.

Отчет о Конференціи анархистов-эмигрантов.

В первых числах сентября н. ст. при в'ѣздѣ политических эмигрантов в Архангельск состоялась конференція об'единенных анархистов.

Всѣ товарищи сошлись на том:

что политическій гнет неизмѣнно существует,

что даже мнимосвободы отмѣнены,

что прежніе жандармы замѣнены новыми—тюремщиками,

что Врем. Правительство вполнѣ опредѣлило свой реакціонный облик,

что оно неминуемо ведет к монархической реставраціи,

что выжиданіе нѣмцев служило залогом перемирія,

что наступленіе погубило дѣло возстанія.

что благодаря защитѣ Россіи умирает Революція,

что поклоненіе государству является омерзительным рабством

и что независимо от всего сказаннаго всякая служба, а военная в особенности, порабощает личное достоинство.

В виду этого право на военное дезертирство признано неот'емлемым правом революціонера.

Разногласіе проявилось по вопросу об отношеніи к военщинѣ. На Конференціи обнаружились два теченія: одно, выраженное тов. Богацким в защиту нелегальности, другое, представленное тов. Өеодором и Григоріем в пользу несопротивленія.

Товарищи „несопротивленцы" находили недопустимым какое-либо содѣйствіе войнѣ. „Ни под каким видом ни словом ни дѣлом не слѣдует участвовать в рѣзнѣ" говорили они. Считаясь с трудностями нелегальнаго существованія, а также с меньшим риском тюремщины, они предлагали гласный отказ от военной службы.

Во имя общечеловѣческой солидарности они противились всякому роду гражданской мобилизаціи. „Когда другіе принуждены скитаться по тюрьмам и в траншеях, грѣшно быть рабочим солдатом".

В то же время они опасались, что переход на нелегальное положеніе будет ложно истолкован трудовыми массами, его поймут как бѣгство из-за отсутствія надлежащаго мужества. Поэтому их рѣчи кончались призывом к тюрьмѣ.

Им возражали сторонники нелегальности. Поѣздка „за тридевять земель" совершена не ради россійских казематов.

В союзных странах гласный протест несравненно рѣже и болѣе дѣйствителен. Но в процессѣ контр-

---

женіи даннаго пункта декларации понятны. В данном вопросѣ рѣшительныя выраженія могли бы быть невѣрно истолкованы нашими союзниками. Союзники могли бы истолковать данный пункт декларации в том смыслѣ, что новая революціонная Россія не желает с ними считаться. Это вызвало бы заграницей опредѣленное движеніе против Россіи и крайне затруднило бы возможность соглашенія между союзниками".

Подобное заявленіе было равносильно полному отказу и по существу таковым являлось. Однако как Совѣту, так и руководившему им Временному Правительству все еще приходилось дѣлать вид, что они не измѣнили дѣлу Революціи и стремятся не к продолженію войны на сторонѣ союзников, а к скорѣйшему заключенію мира. Но только дѣлать вид. В дѣйствительности же Керенскій энергично принялся за возстановленіе дисциплины в арміи и поднятіе ея боеспособности, не останавливаясь для этого перед самыми рѣшительными мѣрами,—вплоть до уничтоженія демократической организаціи в войсках. Он открыто заговорил о наступленіи,—„в интересах мира", конечно,—и начал организовать это наступленіе при полном и дѣятельном согласіи Совѣта Р. и С. Д. Мы не ошибемся, если скажем, что в Совѣтѣ вопрос о наступленіи был рѣшен одновременно с отказом о пересмотрѣ старых соглашеній, ибо организація его трактовалась в „Извѣстіях" уже три дня спустя послѣ заявленія об отказѣ о пересмотрѣ договоров, — в № 64, в статьѣ „Правительство войны или правительство мира?" Так буквально говорилось:

„Новое (т. е. соціалистическое) Временное Правительство, прилагая всѣ усилія для укрѣпленія нашей арміи, этим не нарушает нимало основного положенія своей программы—борьбу за скорѣйшее возстановленіе скорѣйшаго мира. Новый военный министр, организующій революціонную армію, призывающій ее на новый подвиг, не в меньшей степени борется за мир, чѣм его товарищи. Цѣль демократіи—мир. Правительство, принявшее программу демократіи, Правительство, в состав котораго демократія дала своих представителей, может быть только правительством мира.

Таким останется Новое Временное Правительство и в том случаѣ, если воля народа потребует от него начать наступательныя дѣйствія на фронтѣ... Такія дѣйствія будут имѣть цѣлью помочь союзникам, изнемогающим в неравной борьбѣ... И если такова будет воля страны, Новое Временное Правительство поведет полки в наступленіе. И вѣрные своему стремленію к миру, солдаты пойдут и на этом пути за Правительством, творящим волю народа, и до конца исполнят свой долг перед родиной".

Так говорил Совѣт 12 мая. Все в этой статьѣ — ложь. Для оправданія перед массами своего соціальпатріотизма, выражавшагося в вѣрности союзникам и непреклонном желаніи продолжать вмѣстѣ с ними войну, Совѣт должен был пуститься на цѣлый ряд завѣдомых подлогов и фальсификацій. Вмѣсто революціоннаго прекращенія войны, он провозгласил продолженіе ея под новым флагом „войны за мир", причем по совсѣм непонятным причинам эта „война за мир" должна была также имѣть цѣлью „помочь союзникам, изнемогающим в неравной борьбѣ",—союзникам которые, несмотря на все свое „изнеможеніе", твердо заявили, что они и слышать не хотят ни о каком мирѣ, а будут продолжать войну до полной побѣды, полнаго осуществленія своей захватно-имперіалистической программы. И эта совершенно опредѣленная воля русской буржуазіи и ея союзников против которой возстал весь трудящійся народ Россіи в дни Революціи, теперь нагло отождествлялась Совѣтом с волей народа и долг перед Революціей подмѣнялся избитой буржуазно-шовинистической формулой долга перед родиной —формулой, испокон вѣка являющейся выраженіем буржуазно-государственнаго казеннаго патріотизма и служащей одинаково всюду для милитаристическаго порабощенія народных масс господствующим классам в буржуазном Государствѣ.

Дальше этого идти было некуда и вся послѣдующая политика Совѣта, протекая в полном согласіи с „соціалистическим" правительством Керенскаго, неизбѣжно толкала Россію на путь катастрофальнаго военнаго сотрудничества, на путь открытой контр-революціи. Но рѣшительной борьбы с Революціей психологически еще не созрѣл. Поэтому как Совѣту, так и Временному Правительству еще приходилось нѣкоторое время „играть в Революціи" и дѣлать вид, что они стоят на стражѣ ея первоначальных требованій. Революціонная фраза продолжалась. Но дѣло с каждым днем становилось все мрачнѣе, все реакціоннѣе. И когда, подталкиваемо к тому недоумѣніем и нетерпѣніем народных масс, соціалистическое правительства вынуждено было 3 Іюня вновь пред'явить „дорогим союзникам" ноту, касающуюся пересмотра соглашеній о конечных цѣлях войны, то эта нота уже не являлась больше грозным ультиматумом „разбойникам - имперіалистам всѣх стран", а свидѣтельствовала о безнадежном и безвозвратном паденіи „органов революціонной демократіи" в пучину союзническаго имперіализма. Послѣдній пункт ноты совершенно уничтожал весь смысл требованія о пересмотрѣ договоров и впередь давал союзникам полную увѣренность в том, что новая Россія независимо от отвѣта на свое требованіе сохранит „вѣрность союзникам" до тѣх пор, пока они сами не сочтут нужным положить конец нависшему над міром кошмару всенароднаго избіенія. Послѣдній пункт этой пресловутой ноты гласил:

„Ни одно из соглашеній,—то, которое подписано в Лондонѣ 5 сентября 1914 года, преданное с тѣх пор гласности и исключающее возможность заключенія одной из союзных Держав сепаратнаго мира,—не должно подлежать обсужденію этой Конференціи."

Послѣ такого любезнаго аванса „дорогіе союзники" уже не только не считали нужным торопиться с созывом Конференціи, а обнаглѣли до послѣдней степени и окончательно перестали считаться с бандой жалких фразеров и самовлюбленных болтунов, олицетворявших собою в Совѣтѣ русскую „революціонную демократію". Они в буквальном смыслѣ слова наплевали Совѣту в лицо, давали ему одну пощечину за другою. Италія захватила Албанію, Франція и Англія — Грецію. Правда, Россія оффиціально заявила, что она в этих захватах „не участвует", но глупѣе этого заявленія ничего нельзя было придумать, ибо, как это извѣстно всему міру, союзники и не приглашали ее „участвовать". Рибо в тайном засѣданіи французской палаты опредѣленно заявил, что ему нѣт никакого дѣла до требованій и желаній русской демократіи и что Франція должна получить в исходѣ войны не только Эльзас и Лотарингію, а также и лѣвый берег Рейна. Чтобы поддержать „справедливыя" требованія своего французскаго коллеги и единомышленника, Ллойд-Джордж провозгласил в англійской Палатѣ, что „союзники не всецѣло согласны с русской мирной политикой". Японія заявила, что она „в принципѣ" с лозунгом „без аннексій и контрибуцій" вполнѣ согласна, но считает, что окончательное присоединеніе к Японіи отобраннаго у нѣмцев Кіао-Чау этого лозунга умалить не должно и не может.

Что же дѣлалось с большинством Совѣта? Оно „революціонно" возмущал каждым плевком союзников по адресу „органов революціонной демократіи". Оно видѣло, что над ним, как над скоморохом на цирковой аренѣ, безжалостно смѣются и издѣваются тѣ самые „международные имперіалисты-разбойники", которым он мнил себя призванным „диктовать условія". Но признаться в этом оно не имѣло мужества и продолжало „потѣшать публику" под дирижерскую палочку „товарища" Керенскаго и „гражданина" Милюкова. Когда шут окончательно надоѣст им своими самодовольными выкриками, они прогонят его со сцены, пока-же... пускай его „хранит свой гордый вид". Оплеванный и битый, как он того заслужил, он еще нужен Милюковым и Керенским для окончательнаго поднятія „боеспособности арміи" и для „борьбы с анархіей".

Ну, а та сила, с которой ни соціалистическое Правительство, ни „дорогіе союзники", ни Совѣт в дѣйствительности не считались,—революціонный народ? Гдѣ был он, что дѣлал? Он готовился. Он ясно видѣл измѣну, понимал, что его снова хотят сдѣлать марионеткой контр-революціонных покушеній и пушечным мясом для осуществленія захватно-имперіалистических замыслов кучки международных хищников и бандитов. И видя это, он твердо рѣшил сопротивляться. 3-го іюля он вышел на улицу, чтобы совершить суд над преступным соціалистическим Правительством и измѣнническим мелко буржуазным Совѣтом и вмѣстѣ с ними — над их вдохновительницей, русской буржуазіей.

(Продолженіе слѣдует).

Александр Ге.

революціи единоличный отказ безсмыслен, его агитаціонное значеніе фиктивно. При массовом бѣгствѣ с фронта, когда цѣлые полки слагают оружіе заявленіе группы лиц внѣ значенія: общество не удѣлит ему вниманія.

В изгнаніи русскіе анархисты мирились с рѣшеніем траншей: а переѣхав океан они выдвигают особые критеріи.

Фабрично-военный труд повсюду одинаков. Что оказалось вѣрным там не может быть ложным здѣсь.

(Продолженіе слѣдует).

По сообщеніям товарища, пріѣхавшаго из **Владивостока**, там с первых дней революціи существует довольно значительная группа анарх.—комм.

Работа по агитаціи ведется довольно интесивно и плодотворно.

Имѣется клуб, гдѣ сосредоточена вся дѣятельность по пропагандѣ.

Никольск-Уссурійск. Здѣсь послѣ 3—5 іюля образовалась группа, издающая сейчас свой еженедѣльник (анархо-коммунистическій).

Ст. Тайга. (Томской губ.) Здѣсь работа протекает в довольно своеобразных условіях: наша группа, [illegible] с с.-д. большевиками. [illegible] это состоялось только потому, что реакціонные и контрреволюціонные элементы здѣсь [illegible] сильны, и работѣ лѣвых теченій, благодаря их слабости, грозила гибель, от которой спасло их об'единеніе.

К. Т—н.

К народам воюющих стран.

Мы, Совѣт Народных Комиссаров, обращаемся к рабочим массам Германіи, Австро-Венгріи, Турціи, Болгаріи. Мир, который мы предложили, должен быть миром народов. Он должен быть честным соглашеніем, обезпечивающим каждому народу свободу экономическаго и культурнаго развитія. Такой мир может быть заключен только при условіи прямой и мужественной борьбы революціонных рабочих масс против всяких империалистических планов и захватных стремленій.

Рабочая и крестьянская революція уже предъявила свою программу мира. Мы опубликовали тайные договоры царя и буржуазіи с союзниками и объявили эти договоры необязательными для русскаго народа. Мы предлагаем всѣм народам открыто заключить новый договор на началах согласія и сотрудничества. На наше предложеніе официальные и официозные представители правящих классов союзных стран отвѣтили отказом признать правительство совѣтов и вступить с ним в соглашеніе о мирных переговорах. Правительство побѣдоносной революціи не нуждается в признаніи профессіоналов капиталистической дипломатіи. Но мы спрашиваем [illegible] выражает ли реакціонная [illegible] их мысли и стремленія? [illegible] народы позволить дипломатіи упустить великую возможность мира, открытую русской революціей? Отвѣт на эти вопросы должен быть дан сейчас же, и [illegible] не на словах, а на дѣлѣ. Русская армія и русскій народ не могут и не хотят дольше ждать. 1-го декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести переговоры с нѣмцами одни. Но если буржуазія союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, отвѣтственность падет цѣликом на нее.

Солдаты, рабочіе и крестьяне Франціи, Англіи, Италіи, Соединенных Штатов, Бельгіи, Сербіи! 1-го декабря открываются мирные переговоры. Мы ждем ваших представителей. Дѣйствуйте! Не теряйте ни одного часу! Долой зимнюю кампанію! Долой войну! Да здравствует мир и братство народов!

Комиссар по Иностранным дѣлам **Л. Троцкій.**

Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров **В. Ульянов (Ленин).**

Рабочіе-депутаты.

Нас часто утѣшают тѣм, что рабочіе, попав в депутаты, будут отстаивать в учредительном и законодательном собраніях права трудящихся, издадут для них хорошіе законы.

Плохо вѣрится такому утѣшенію, а, кромѣ того, настоящему рабочему очень трудно, почти невозможно попасть в Учредительное Собраніе или в парламент. Он не может запугивать избирателей тѣм, что лишит их заработка. Он не может подкупать тѣх из них, которые только и ждут того, чтобы их купили. Он не располагает прессой, которая готова за деньги говорить все, что угодно. Он не может, наконец, так мошенничать, так умѣло лгать на выборах, как лгут депутаты, вышедшіе не из рабочей среды.

Та „дрессировка", которая называется нынѣ образованіем и которая требуется от кандидата в депутаты, почти недоступна рабочим.

Постоянная работа, работа с дѣтства, необходимость посвящать многіе часы дня работать за кусок хлѣба, не оставляют рабочим времени для пріобрѣтенія тѣх мишурных знаній, которыя необходимы для пусканія пыли в глаза. Пріобрѣтаемыя рабочими, иногда довольно обширныя знанія, всетаки недостаточны для того, чтобы бороться с рѣчами, переполненными цифрами, ссылками на бывшія и не бывшія событія,—с рѣчами, в которых многія цифры—событія разсказаны не вѣрно, но которыя считаются избирателями за правдивыя рѣчи.

Что касается до массы рабочих, то правительства, в том числѣ и парламентскія, дѣлают все возможное для того, чтобы доступная рабочим начальная школа давала извращенныя знанія или знанія, недостаточныя для того, чтобы, без самообразованія, хорошо разобраться в рѣчах разных кадетов, мнимых соціалистов, націоналистов и т. п. господ.

Если же какому нибудь рабочему, путем серьезных усилій, и удается получить требуемое от кандидата в депутаты образованіе, он все таки не имѣет обыкновенно ни времени, ни средств для предвыборной агитаціи. Вот почему, не говоря уже о поддержкѣ чиновников,—этих ставленников эксплуататоров,—парламенты всѣх стран переполнены покорными слугами эксплуататоров или этими послѣдними. В небольшом числѣ проходят в парламент и лица, называющія себя выразителями рабочих интересов, но их дѣятельность, как бы не именовались они, может привести в отчаяніе любого рабочаго, надѣющагося на парламент и могущаго разобраться в том, что в нем дѣлают депутаты.

Изрѣдка проходят в парламент и рабочіе: обыкновенно это бывают предсѣдатели или секретари профессіональных союзов.

Если рабочій попадает в парламент, то прежде всего он перестает быть рабочим.

„Наемный рабочій, например, не может быть членом парламента, потому что его хозяин не позволит ему присутствовать на засѣданіях и можно ли к тому же вообразить хозяина, позволяющаго одному из своих рабочих засѣдать в парламентѣ в качествѣ соціал-демократа, „говорит Домела Ньювенгейс. В наше время хозяева могут с удовольствіем видѣть в парламентах господ „соціалистов-революціонеров" или „меньшевиков", но, конечно, нельзя проводить время в парламентѣ и одновременно работать на фабрикѣ. Не было такого случая и не будет В подавляющем большинствѣ случаев он получает депутатское жалованье сильно превышающее самую высокую заработную плату Он сразу переходит в ряды эксплуататоров, живущих на налоги, т. е. на деньги, выжатыя из трудящагося люда. Рабочій депутат быстро забывает взгляды и на стремленіе рабочаго. Он проникается буржуазными воззрѣніями, так как вырвавшись из условій рабочаго существованія, он сразу окунается в жизнь эксплуататоров с ея комфортом и роскошью, с ея утонченными и грубыми удовольствіями, с ея вѣчным лицемѣріем, обманом, хитростью, іезуитством, внѣшним приличіем и внутренней мерзостью.

М. А. Бакунин, со свойственной ему ясностью мысли, предвидѣл, во что обратятся попавшіе в парламент рабочіе. Но,—писал он,—скажут вам, рабочіе, наученные опытом, не пошлют больше буржуа в учредительныя и законодательныя собранія, они пошлют туда простых рабочих... Знаете ли, что из этого выйдет? То, что рабочіе-депутаты, попавшіе в условія буржуазнаго существованія и в атмосферу чисто буржуазных политических идей, фактически в дѣйствительности перестав быть рабочими, становясь людьми государственными, сдѣлаются буржуями и, быть может, станут буржуазнѣе самих буржуа. Не люди создают положеніе, а, наоборот, положеніе—людей".

Прежде всего депутат рабочій оправдывает свое высокое, мыслимое только при эксплуатаціи налогами жалованье тѣми же доводами, которыми всѣ эксплуататоры оправдывают свой большой, получаемый, благодаря той или иной эксплуатаціи, доход. Французскіе депутаты-соціалисты, в числѣ которых были и бывшіе рабочіе, не постѣснялись даже подать голоса за повышеніе депутатскаго жалованья с 3375 до 5625 рублей в год. Из получающих жалованье соціалистов-депутатов, мы не знаем ни одного, который, оставив себѣ необходимое для жизни, отказался бы от излишка в пользу рабочаго дѣла.

Бывшаго рабочаго, а затѣм депутата со всѣх сторон охватывает тлетворное эксплуататорское общество.

Депутат рабочій почтительно привѣтствуется соціалистами, принадлежащими к классу эксплуататоров и отравляется сношеніями с ними.

Его самолюбіе льстит и буржуазія, которая, если он кажется опасным, старается доставить ему какое нибудь выгодное положеніе или мѣсто, славословит его таланты, его мудрость каждый раз когда он дѣлает уступки современному общественному строю. Необходимость возможно быстраго освобожденія рабочаго класса забывается таким депутатом. Он легко дѣлается постепеновцем и довольствуется такой дѣятельностью. Его оглушает болтовня яко бы ученых, говорящих о необходимости постепеновщины. Его как и всѣх других депутатов опьяняет власть, возможность распоряжаться честью свободой, имуществом и даже жизнью других граждан.

Не так давно, вчера еще нуждавшійся в необходимом депутат-рабочій получает возможность жить с комфортом и роскошью. Он стремится использовать жизнь, гонясь за ранѣе не доступными ему удовольствіями. Он все дальше и дальше отходит от образа жизни, интересов и забот своего бывшаго класса. В дѣйствительности же он ушел уже в стан „празднoболтающих и обагряющих руки в крови", в стан живущих на прибавочную стоимость.

Его опьяняет не только лесть депутатов его партіи, но и цѣлаго ряда заискивающих перед ним холопов. Он только и встрѣчается с лицами, которыя боятся скораго освобожденія рабочих, которые явно или тщательно скрывая это, боятся соціальной революціи.

Депутат, бывшій рабочій, не дѣлает ничего и не может сдѣлать для рабочих; вся его дѣятельность сводится к вредной болтовнѣ в пользу реформ. Он измѣняет рабочему классу. Это не мѣшает ему, вмѣстѣ с депутатами соціалистами, принадлежащими к числу эксплуататоров, называть себя соціалистом-революціонером. Здѣсь нечему удивляться. Слова нерѣдко являются вѣроломной маской сущности.

Создайте новое правительство исключительно из рабочих, из представителей трудящагося класса—это ничуть не измѣнит сущность вещей. (В 1848 году из 11-ти рабочих, попавших в Палату, 10 измѣнили народному дѣлу),—говорил Артур Арну,—историк Парижской Коммуны.

Слыша слова: „я соціалист-революціонер", рабочіе избиратели сначала думают, что их избранник не успѣл еще проявить себя, а затѣм часть из них настолько одурачивается вѣчной ложью, вѣчным придаваніем словам другого неистиннаго смысла, что начинает вѣрить в полезность дѣятельности этого депутата и отсутствіе результатов этой дѣятельности об'ясняет тѣм, что они не успѣли еще проявиться. Конечно, рано или поздно жизнь указывает многим из них на измѣну и безполезность депутатов.

В рядах посланных рабочими депутатов происходит часто несознательная, но все же едва ли не поголовная измѣна. Войдя в парламент соціалист [illegible] бывшій рабочій идет [illegible] одной уступки эксплуататорам к другой уступкѣ; иногда он думает, что служит рабочему классу, тогда как, в сущности, является его опасным врагом. Превращеніе рабочих депутатов в буржуа наблюдается, как заурядное явленіе (из 20 случаев в 19, говорит Г. Лэзан). Идя в парламент, рабочій соціалист мечтает о захватѣ соціалистами „государственной машины", но вступив в парламент, он достигает только того, что „государственная машина" захватывает его самого и передѣлывает на свой образец для своих надобностей.

Короче, — вѣрна наша поговорка: — „Сохрани Бог от мора, от пожара да от нашего брата, как угодит в бара". И прав был Э. Малатеста, говоря рабочим:—„Рабочіе, не вотируйте! Если вы голосовали за буржуа, вы поддерживали ваших притѣснителей и оказались вполнѣ заслужившими ваши мученія и страданія. Если вы голосовали за рабочих, то вы приготовили себѣ новых хозяев, вышедших из ваших же рядов и этим показали, что умѣете обмѣнивать одни оковы на другія".

В Австраліи в 1916 году, как и ранѣе, правительство состояло из бывших рабочих-рудокопов, поваров и пр. Бывшіе рабочіе заняли посты министров, губернаторов, судей. Я называю этих лиц бывшими потому, что им пришлось оставить свои ремесла, сдѣлавшись начальством. И вот эти господа хуже, чѣм капиталисты, начали прижимать рабочих.

Они арестовали лиц, высказавшихся против всеобщей воинской повинности, их полицейскіе врывались в помѣщенія рабочих и пр. С цѣлью понизить заработную плату, они—эти бывшіе рабочіе—свезли японских и китайских рабочих вмѣстѣ с их полицейскими для того, чтобы послѣдніе держали желтых рабочих в повиновеніи.

Нечего надѣяться на кого бы то ни было. Надо самим устраивать свои дѣла:—своими союзами, фабрично-заводскими комитетами, артелями, собраніями, сходами, мірами, с'ѣздами.

Но никому не надо давать власти над собою, особенно же власти писать законы и насиліями, тюрьмами, каторгой заставлять повиноваться им.

А. Моложав.

Хроника.

Арест генерала Барановскаго.

Генерал Барановскій арестован и препровождается в Петропавловскую крѣпость, вмѣстѣ с ним препровождается начальник 16 кавал. дивизіи.

Двухдневная саботажная забастовка служащих в Петроградской Государств. Сберегательной кассы полностью не удалось, 16-го числа работало нѣсколько городских касс, а 17-го около десяти, и главная касса открылась с опозданіем на один час. В ней работало: три отдѣла по выдачѣ и пріему вкладов в том числѣ почтово-телеграфный отдѣл, главная кладовая и хозяйственный отдѣл.

Г. С.

Редакціонная коллегія:

Г. Богацкій.

Бр. Гордин.

Н. Солнцев.

Товарищи рабочіе!

Пересылайте статьи и рабочую хронику. Не стѣсняйтесь ошибок и оборотов. Все это будет исправлено.

Требуются ГАЗЕТЧИКИ

НА ЛЬГОТНЫХ УСЛОВІЯХ. Являться: Николаевская ул., д. 26, контора газ. „Буревѣстник", от 10—12 час. у. и от 5—6 ч. веч. Газ. „Буревѣстник" газетчикам можно получать во всякое время от 11 ч. веч.

ВНИМАНІЮ

ТОВАРИЩЕЙ УѢЗЖАЮЩИХ

НА ФРОНТ.

Просим товарищей солдат и матросов уѣзжающих на фронт или въ деревню, зайти в контору газеты—„Буревѣстника" для полученія безплатно газет.

Къ свѣдѣнію товарищей.

Просим товарищей, случайно имѣющих экземпляр „PRÉLUDE" товарища **Богацкаго** (2-е изданіе на французском языкѣ), передать редакціи „Буревѣстника" для перевода на русскій.

Союз Анархо-Синдикалистской Пропаганды Выборгскаго района.

В МАНЕЖѢ

ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА

Петроградская сторона, Большая Вульфова улица.

19-го ноября в 2 ч. дня

УСТРАИВАЕТ

МАССОВЫЙ МИТИНГ

на тему

ТЕКУЩІЙ МОМЕНТ и АНАРХИСТЫ

Возьмут слово т.т. **Волин, Гр. Лапоть, А. Лисс и В. Шатов.**

Билеты 1 руб. || Солдаты 50 коп.

Весь доход пойдет в фонд „ГОЛОСА ТРУДА"

Издательство Союза Пяти Угнетенных

БР. ГОРДИНЫ: Пансоціалистическій Манифест. Цѣна 35 к. (распродано).

БР. ГОРДИНЫ: Долой анархію! Цѣна 30 к.

Б. НЕДРОЖИН: Контр-революція. Цѣна 25 коп. К учащейся молодежи. Цѣна 25 к. (распродано).

ОРГАНИЗАЦІЯМ и ГРУППАМ СКИДКА.

СКЛАД ИЗДАНІЯ.

ПЕТРОГРАД, Троицкая 23. Отъ 5—7 ч. веч.

Вышла из печати брошюра: А. КАРЕЛИН.

ЧИКАГСКІЕ МУЧЕНИКИ.

Цѣна 20 коп.

Обращаться по адресу редакціи „СВОБОДНОЙ КОММУНЫ": ПЕТРОГРАД, Троицкая, 23.

„Безначаліе".

Вышел № 1 еженедѣльника „Безначаліе", Орган Союза Пяти Угнетенных (безначальных анархистов или [illegible] анархистов).

Цѣна № 25 коп.

Адрес: Союз Пяти Угнетенных, Петроград, Троицкая улица, № 23.

СКЛАД КНИГ

Ямская ул., д. № 25, кв. 7. Тел. 5-86-09.

Организаціям и группам скидка 20.

Вопросы жизни . . . . Ик. Вл. Богословскій

Развитіе жизни . . . . Ик. Вл. Богословскій